

В студию вел бесконечно длинный белый коридор. С каждым шагом с меня, будто пыль, осыпалась повседневная жизнь. Я настраивалась на съемки. В студии «С» мне дали микрофон-петличку, и я закрепила ее на пиджаке. До мотора оставалось пять минут, но съемочная группа никуда не спешила. Сразу видно: у программы маленький бюджет и низкие рейтинги. Но так даже спокойнее, я ведь не знаменитость.

Ведущий, Мики Мория, уже хотел начинать, но его остановили: ему на лоб упала прядь тронутых седью волос. Тут же подбежала парикмахер с расческой, пригладила, а скорее даже прижала волосы назад. Мория любезно улыбнулся и жестом поблагодарил ее. Девушка с поклоном отошла.

— Начинаем через минуту!

Я поправила очки, выпрямилась, развернулась к ведущему и, смотря прямо в камеру, широко улыбнулась.

— Добрый вечер! В эфире программа «Родительский час». В ней я, Мики Мория, отец четырех детей, отвечаю на вопросы о воспитании, которые беспокоят наших зрителей. Сегодня у нас в студии уже хо-

рошо известная вам Юки Макабэ, клинический психолог.

Я легко кивнула и уверенно поздоровалась: «Добрый вечер!» Студия была оформлена в светлых пастельных тонах и напоминала детский сад, а ослепительно-яркое освещение заставляло забыть о том, что на дворе глубокая ночь.

— Госпожа Макабэ работает с хикикомори¹ и их родителями. Госпожа Макабэ, нет ли у вас каких-то интересных наблюдений за последнее время, которыми вы хотели бы с нами поделиться?

Я задумалась:

— Хм... Многие родители убеждены, что любовь заключается в том, чтобы отдавать, но из-за этого делают своим детям только хуже.

— Выходит, это заблуждение? Я правильно вас понял?

— Думаю, точнее будет сказать, что любить — значит уметь наблюдать со стороны.

— Но ведь если просто смотреть, этим ребенку не поможешь!

— Обычно родители хикикомори слишком опекают своих детей. Да, может показаться, что так ребенку будет лучше. Но на самом деле, ограждая свое чадо от любых проблем, родители тем самым не дают ему стать самостоятельным.

Мория задумчиво кивнул. Он всем своим видом показывал, что ему очень интересно меня слушать, и я сама не заметила, как увлеклась нашим разговором.

¹ Хикикомори — человек, находящийся в добровольной социальной изоляции и в течение долгого времени (месяцы, годы) не выходящий из дома (здесь и далее прим. пер.).

Съемки закончились через два часа. Я попрощалась и с небольшим поклоном вышла из студии. В приемной забрала свою кожаную сумку-шопер, сняла очки, элемент экранного образа, убрала их в футляр и накинула плащ.

На перекрестке перед зданием телекомпании одиноко стояло такси. Поеживаясь под пронизывающим ночным ветром, я поспешила к машине. Дверь была открыта, а внутри меня ждал Мория.

— Госпожа Макабэ, спасибо вам. Мне кажется, сегодня у нас получилась очень интересная беседа. На улице так зябко, не стоит вам стоять на холоде в ожидании такси. Если вы не возражаете, мы можем поехать вместе.

Я поблагодарила его и села в машину.

— Спасибо, вы всегда так внимательны. А вы ведь живете на юге города, в районе Адзабу¹?

— Да, — подтвердил он и попросил водителя сначала поехать по моему адресу.

Я смутилась и поблагодарила его снова.

— Что вы, ведь уже так поздно. С моей стороны поступить иначе было бы не по-мужски, — просто сказал Мория, скрестив ноги.

Даже в темном салоне автомобиля его начищенные до блеска ботинки сверкали.

— Вы настоящий джентльмен! — рассмеялась я.

— Я человек старой закалки, — улыбнулся он в ответ и продолжил, как будто припоминая: — Кстати, до съемок мы ведь с вами говорили о том

¹ Адзабу — квартал, расположенный в специальном районе Минато. Построен на болотистой местности и в предгорьях, южнее центральной части Токио (прим. ред.).

случае. Вы сказали, что подумываете написать книгу?

— А, вы про Канну Хидзирияму? Да, мне поступило предложение от издательства, я хочу описать ее жизнь с точки зрения клинической психологии.

— Понятно... Значит, вы еще и книги пишете? — спросил Мория.

В ответ я только неопределенно покачала головой.

— Да нет, это мой первый подобный опыт, поэтому я пока сомневаюсь. С одной стороны, мне кажется, людям было бы полезно прочитать такую книгу, а с другой — не хотелось бы случайно оказать влияние на судебный процесс или ранить чувства родственников погибшего. Но прежде всего надо дождаться, одобрят ли вообще издательство мой план книги.

— Понятно. Случай, конечно, ужасный. Чтобы девушка, мечтавшая стать телеведущей, сразу после второго этапа собеседования в одну из ведущих телекомпаний взяла и зарезала собственного отца... Я слышал, ее задержали, когда она шла вдоль реки Тама, вся в крови... Такая шумиха поднялась.

— Да...

— После задержания она сказала: «Думайте сами, какой у меня был мотив». Некоторые СМИ сообщали, якобы родители были против того, чтобы она работала на телевидении, но только поэтому убивать отца, да еще и бросать вызов полиции? Мне кажется, у нее были более веские причины. А ее мать, насколько я знаю, до сих пор лежит в больнице, не может оправиться от шока. У меня у самого две дочери, поэтому я не могу оставаться равнодушным. Вообще она, конечно, очень симпатичная, недаром на телевидение

хотела попасть. Но печатать фотографии красивой девушки, совершившей убийство, на первых страницах журналов — на мой взгляд, это пошло.

— Да, вы правы, — согласилась я.

Машина проехала по жилому кварталу, где уже погасли фонари, и остановилась у порога небольшого белого дома. Я вышла.

Проводив такси взглядом, я бесшумно открыла входную дверь. Из-под двери гостиной в коридор пробивалась полоска света. Доносился шум голосов. Странно, неужели еще не спят?.. Я зашла в гостиную и застыла на пороге от изумления: по комнате летало огромное черное насекомое. Оно устремилось прямо мне в лоб, врезалось и с громким шлепком упало на пол. От испуга я схватилась за голову, когда из-за дивана выскочили мой муж, Гамон, и сын, Масатика. Я посмотрела под ноги: на полу вертелся радиоуправляемый самолетик.

— Юки, ты в порядке? Ты так тихо зашла, мы не знали, что ты уже дома, — Гамон, одетый в толстовку, подбежал ко мне. Это он купил самолетик.

— Мам, ты такая неуклюжая, — невозмутимо сказал Масатика. На нем была точно такая же толстовка.

— Эй! Ты почему еще не в кровати? И как тебе не стыдно запускать самолетик в лоб собственной матери?

— Прости, не ругайся на него! Мы не знали, что ты вот-вот войдешь, просто играли. Я купил этот самолетик на рынке неподалеку. Кстати, не хочешь отядзукэ¹? — с улыбкой спросил Гамон, поправляя свои крупные прямоугольные очки в черной оправе.

¹Отядзукэ — блюдо японской кухни, представляет собой вареный рис, который заливают зеленым чаем, бульоном или горячей водой.

— Пап, я тоже буду! — Масатика засунул обе руки в карманы толстовки и направился к обеденному столу.

Я очень устала, но согласилась поесть, положила вещи и села за стол. Гамон наполнил две пиалы рисом, сверху посыпал его тресковой икрой, мелкими кусочками нори, кунжутом и залил все это бульоном. Аромат распространился по всей гостиной. Мы с сыном принялись ужинать. Сквозь балконную дверь я посмотрела на небо: там висела, словно подвешенная на бельевую веревку, красная луна. На перекрестке перед зданием телекомпании, где я села в машину, ее было совсем не видно. И хотя я была в своей гостиной, в доме, которому уже десять лет, все равно никак не могла отделаться от ощущения, что до сих пор нахожусь в съемочной студии.

— Кстати, сегодня днем звонил Касё, — слова мужа вывели меня из задумчивости.

— Зачем? — поинтересовалась я, откладывая палочки для еды.

Гамон вышел из-за столешницы и, открывая бутылку газированной воды, ответил:

— Он хотел узнать твое мнение по поводу какого-то дела. Наверное, того, где девушка убила своего отца.

— Поняла. Мне лучше перезвонить ему в офис, да? — уточнила я. Звонок Касё меня очень удивил.

Касё — младший брат моего мужа, в университете мы с ним были однокурсниками. Я училась на кафедре психологии гуманитарного факультета, а он — на юридическом факультете, поэтому мы только иногда пересекались на парах. Он впервые захотел посоветоваться со мной по поводу своей работы.

— Если хочешь, давай вместе ему наберем. Может, так удобнее? — участливо спросил муж. Кажется, он почувствовал мое беспокойство.

Я вспомнила, как мы отмечали этот Новый год с семьей Гамона. Все сидели за праздничным столом, когда мой свекор, к тому моменту уже подвыпивший, начал сетовать:

— Хорошо бы у Масатики появился брат или сестра. Ему бы тогда жилось веселее, как Гамону с Касё.

Я не знала, что на это ответить, и только неловко рассмеялась. Касё взял в руку чашечку с саке и попытался перевести все в шутку:

— Гамон, конечно, отличный отец, но справляться с двумя детьми даже ему было бы непросто. Представьте: и младенца нянчить, и с Масатикой мяч гонять...

На мгновение за столом повисла тишина. Све-кровь недовольно хлопнула Касё по спине:

— Вечно тебе нужно что-то ляпнуть! Юки, прости, он всегда такой.

— Что вы, что вы, — покачала я головой.

Палочками для еды я взяла несколько бобов куро-мамэ¹. Их вкус я уже не вспомню. Почему-то в памяти осталось только то, что они, пухлые и блестящие, показались мне тогда очень красивыми.

— Лучше вообще ему не перезванивать, — опустошив свою пиалу, заявил Масатика.

¹Куромамэ — блюдо японской кухни, ферментированные черные соевые бобы. Слово «мамэ» в японском языке может означать «здоровье», поэтому куромамэ на новогоднем столе — символ здоровья и благополучия в наступающем году.

— Что ты такое говоришь?! Это же твой дядя.

От сына пахло только что съеденными кунжутом и нори. Он сделал глубокий вдох и выпалил:

— Да разве он мне дядя? Они с папой не настоящие братья. Так что и мне он никакой не родственник! Косит под молодого, а на самом деле уже давно не дядя, а старый дед!

Я вяло улыбнулась. Помню, тогда на Новый год Касё пошутил:

— Гамон, ну ты и великан! А вот со мной явно что-то пошло не так, — наверное, он комплексовал из-за того, что был ниже ростом, чем брат.

Муж строго отчитал сына:

— Касё младше твоей мамы, не смей называть его дедом.

Масатика скривился и неожиданно спросил:

— А почему он вообще нам звонит? Мам, а может, он в тебя втюрился? Вечно к тебе лезет и шутит свои дурацкие шутки! — опять выпалил он.

Я убрала со стола пустые пиалы и стала их мыть. Сквозь шум текущей из-под крана воды до меня доносился голос Гамона.

— А что, может, и правда? — рассмеялся он.

У меня по рукам пробежали мурашки. Сквозь покрытые пеной пальцы текла холодная проточная вода.

Следующим утром Гамон провожал Масатику в школу. Как только они ушли, я пропылесосила гостиную и направилась в кабинет на первом этаже. Зайдя внутрь, раздвинула шторы и окинула взглядом сад с пожухлым газоном. Ночные съемки меня утомили, поэтому сегодня я отпросилась с работы. Ког-

да-то главврач сам посоветовал пригласить меня гостем в эту передачу, поэтому к моим отгулам относился лояльно.

Я села за стол и начала проверять почту на компьютере, когда мне на глаза попала наша с Гамоном свадебная фотография. Мы сыграли свадьбу весной, когда только начинала цвести слива. На фото мы с Гамоном стоим в окружении родственников, на мне белоснежное платье, в волосах — украшения в виде лилий. Я широко улыбаюсь и поддерживаю рукой округлившийся живот. Гамон тоже выглядит счастливым. На нем очки в черной оправе, с которыми он не расстается и сейчас. Поодаль, расставив ноги, с враждебным видом стоит Касё. Его руки сложены на животе, так что хорошо видны изящные пальцы.

Свадебная церемония проходила в синтоистском храме. После нам с гостями предстояло ехать в место проведения банкета, поэтому все собирались в прихрамовом садике. Тогда Касё неожиданно для всех подошел к кусту камелии и отломил от него одну ветку. Он сделал вид, будто не заметил, как на него уставились служительницы храма, и вручил мне усыпанную алыми цветами ветку.

— С сегодняшнего дня придется называть тебя невесткой. Хотя звучит так непривычно, — произнес он, смеясь.

Родственники молчали, но на их лицах явно читалось недовольство, я же холодно поблагодарила его за подарок. И сейчас помню, каким твердым на ощупь оказался стебель камелии, когда я сжала его в правой руке.

Я написала Касё короткое письмо и, не перечитывая, нажала кнопку «Отправить».

На диване, в окружении растений, понуро сидела Нанами Асада. Две верхние пуговицы ее полосатой рубашки были расстегнуты, пальцы с ярко накрашенными ногтями сжимали кружку травяного чая. Дождавшись, когда девушка закончит пить, я спросила, стараясь звучать как можно более непринужденно:

— Как вы себя чувствуете в последнее время?

— Спать стала лучше. Хотя недавно офис нашей компании переехал, теперь дел невпроворот.

— Надо же, а куда? Раньше ваш офис ведь располагался в районе Акасака¹?

— Да, а переехали в Каябатё. Это совсем в другой стороне, утром тяжело вставать. Оформлять меня в штат тоже не горят желанием. Весной мне должны продлить контракт, но я думаю, может, лучше уволиться и поискать другую работу.

— Вот как? Но вам, наверное, будет тяжело привыкнуть к новому месту.

Нанами помолчала, как будто собираясь с мыслями, и наконец призналась:

— На самом деле я уже некоторое время подрабатываю в ночном заведении... Один посетитель мне сказал, что знает хорошую компанию, и, если у меня будут проблемы с работой...

Я перестала записывать. Длинные, еще длиннее, чем раньше, ресницы Нанами подрагивали. На ее лице сама собой появилась неуверенная улыбка. Во взгляде девушки читалась робкая надежда: «Кажется, я ему нравлюсь».

¹ Акасака — элитный район в Токио (прим. ред.).

— Он так переживает за меня, считает, что я слишком умна и добросовестна, чтобы работать на временных должностях. С ним я не притворяюсь, говорю все, что думаю, а он в ответ только восхищается, как можно быть такой юной, но при этом такой проницательной.

— А сколько ему, этому мужчине? — спросила я озадаченно.

Пар практически бесшумно вылетал из освежителя воздуха и оседал на листьях растений. Нанами ожилилась и всем телом подалась вперед.

— Сорок пять. У него жена и ребенок, ничего такого он себе не позволяет. Даже когда мы встречаемся где-нибудь вне работы, то просто ужинаем вместе, разговариваем. Он хорошо воспитан. Сначала я думала, что от мужчины, который ходит в такие места, нужно держаться подальше, но, пообщавшись с ним побольше, поняла, что ошиблась на его счет. Он очень порядочный.

— Хорошо, если так. Но все-таки у него жена и ребенок. Даже если между вами ничего нет, со стороны может создаваться иное впечатление. Будьте осторожнее, чтобы это знакомство не обернулось для вас проблемами.

— Да, вы совершенно правы! Я хочу продолжить общаться с ним, но при этом сохранить дистанцию.

Нанами рассуждала здраво, но было видно невооруженным взглядом: этот мужчина уже успел завладеть ее сердцем. От жалости к ней у меня заныло в груди.

Впервые Нанами Асада пришла ко мне год назад. Ее сосед по квартире, парикмахер, постоянно одалживал у нее деньги, потом еще и втянул ее в свои любовные интрижки. Нанами переживала это очень тя-